

УДК 97 (73)

ПРУЖИНЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ (О новой книге В.В. Согрина)

© 2015 г. В.О. Печатнов*

Статья поступила в редакцию 31.07.2015.

Статья посвящена анализу книги В.В. Согрина «США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя» и поднятых в ней проблем. Отталкиваясь от содержания работы, автор рассматривает соотношение этих трёх начал в американской истории начиная с рубежа XIX–XX веков и по сегодняшний день. Особое внимание уделяется взаимосвязи и взаимовлиянию демократии и империи. В статье также подробно разбираются концепции автора книги и его вклад в историографию.

Ключевые слова: история США, либерализм, демократия, империя.

Каждая новая крупная работа ведущего российского историка-американиста В.В. Согрина неизменно привлекает к себе внимание специалистов. Это в полной мере относится и к его недавно вышедшему капитальному труду по истории США XX–XXI веков**. От предыдущих обобщающих работ Владимира Викторовича*** его отличают два ключевых момента.

Во-первых, автор впервые в таком широком масштабе обращается к внешнеполитическому измерению американской истории, органично связывая его с внутренним развитием страны. Прекрасное знание им этой темы придаёт такому взгляду дополнительную глубину, обогащая наше представление о теснейшей взаимосвязи внутренней и внешней политики США. Не секрет, что подавляющее большинство историков-американистов специализируются либо на внешней, либо на внутренней политике. Поэтому, несмотря на

ПЕЧАТНОВ Владимир Олегович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД РФ. Российская Федерация, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76 (vopchatnov@gmail.com).

** Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. Москва: Весь Мир, 2015. 590 с.

*** Согрин В.В. Исторический опыт США. Москва: Наука, 2010, 581 с.; Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. Москва: Весь Мир, 2013. 352 с.

ритуальное признание их взаимосвязи, у нас очень мало работ, особенно – крупномасштабных, в которых развитие США рассматривается в подобном единстве*.

Во-вторых, рецензируемое исследование имеет новую, можно сказать, новаторскую концептуальную основу. Развитие США в XX – первом десятилетии XXI века рассматривается через призму трёх основополагающих констант американской истории – либерализма, демократии и империи, сосуществование которых автор называет «парадоксом американской цивилизации» (с. 362). Уже сама подобная постановка вопроса представляется не только новой, но и чрезвычайно плодотворной в качестве теоретико-методологической основы интерпретации истории Соединённых Штатов, в которой неразрывно переплетаются эти три начала.

Внутри данной триады, как показывает В.В. Согрин, существуют очень непростые и во многом противоречивые отношения. С одной стороны, они взаимно обуславливают и подпитывают друг друга. Американская демократия, пожалуй, как никакая другая, основана на либеральных ценностях свободы и прав человека, которые хронологически предшествовали развитию демократии. В свою очередь, демократические институты, давая массам возможность влиять на политику, помогают постепенному распространению свободы и прав человека вширь (на всё новые категории граждан) и вглубь – в сторону наполнения их социально-экономическим содержанием. Империя в её специфическом американском варианте и разных ипостасях (сначала территориальная, а потом торгово-экономическая и финансовая экспансия, расширение зоны влияния в мире и т.д.) способствует не только материальному процветанию и политической стабильности страны, но и распространению американских ценностей по всему миру.

С другой стороны, эти три начала постоянно конкурируют друг с другом, вступая порой в антиномические отношения. Империя с её огромной военной машиной, централизацией и государственной регламентацией противоречит классическим либеральным идеалам свободы личности и слабого государства. Она также часто ведёт к ограничению демократических прав и свобод во имя достижения имперских целей. Автор подчёркивает деформирующее влияние американской империи и на состояние демократии в окружающем США мире: «США, предлагая демократию другим странам в качестве образца, в конкретной политике зачастую переходили к её навязыванию, реализовывали формулу “все средства хороши для достижения цели” и “цель оправдывает средства”. В результате средства превращались в самоцель внешней политики, империя подминала и подчиняла себе демократию» (с. 23). Известное напряжение существует даже между либерализмом и демократией: неограниченная индивидуальная свобода расходится с демократическими принципами эгалитаризма и социальной справедливости, а сама свобода в американской системе ценностей стоит выше равенства.

---

* Пожалуй, самым ярким исключением служит монография В.Л. Малькова «Путь к имперству. США в первой половине XX века» (Москва: Наука, 2004).

Но наибольшей аномалией в этой триаде является всё-таки империя, и не случайно автор уделяет особое внимание вопросу её совместимости с либерализмом и демократией. В самих США идейно-политические дебаты по этой проблеме имеют давнюю историю, периодически возобновляясь на крутых поворотах в развитии американской империи – аннексии Техаса и других мексиканских территорий в середине XIX века, захвате Филиппин, Гавайских островов в ходе Испано-Американской войны на рубеже XIX–XX веков, в Первой и Второй мировых войнах, войне во Вьетнаме и в самые последние годы – во второй иракской войне. Классическим предостережением против «имперского искушения» стали знаменитые слова Дж. К. Адамса о том, что на этом пути Америка «может стать диктатором мира, но утратить свою (республиканскую) душу». Это убеждение в несовместимости империи с демократической республикой и в антиимперском призывании Соединённых Штатов пронизывает и работы современных американских «антиимпериалистов» как правого, так и левого толка.

Их оппоненты давно разработали свою аргументацию, опираясь на крылатую формулу Т. Джефферсона о США как «империи свободы». Американская империя, доказывали они, является исключением из общего правила, поскольку она не опирается на захват территорий и несёт с собой универсальные передовые ценности – свободу и демократию. Поэтому распространение американского влияния равнозначно расширению либерально-демократического порядка в мире, что идёт на пользу не только самим Соединённым Штатам, но и тем странам, на которые распространяется их влияние. Этот глубоко укоренившийся в американской исключительности сплав демократии и экспансии автор недаром характеризует как «демократический имперский мессианизм», который облагораживал внешнеполитическую экспансию США, обеспечивая ей массовую поддержку (с. 21). При всех глубоких изменениях в характере американской экспансии на протяжении XX – в первом десятилетии XXI века этот изначальный сплав империи с либерализмом и демократией сохранился, подчёркивает автор. Именно подобная уникальность американской империи в глазах её адептов должна была помочь ей сохранить свою «республиканскую душу» и избежать печальной участи других великих империй – перенапряжения, деградации и краха.

К этому можно добавить и другую функциональную полезность демократии для империи – способность сдерживать крайности последней. Демократия даёт обществу возможность и инструменты обуздания имперских эксцессов власти, цена которых представляется ему непомерной. Так было в период войны во Вьетнаме, против которой восстала большая часть американского общества; в несколько меньшем масштабе это произошло и во время второй иракской войны, когда администрациям Дж. Буша-мл., а затем Б. Обамы пришлось прекратить эскалацию военных действий США в Ираке. Этот механизм обратной связи действует как система корректировки, приводящая имперские аппетиты власти в соответствие с реальными возможностями страны.

В целом, сложный синтез либерализма, демократии и империи составляет своеобразный генетический код страны, и хотя автор прослеживает их разви-

тие лишь с конца XIX века, сложился он гораздо раньше; не случайно и сам В.В. Согрин говорит об «имперском гене» американской республики (с. 20).

Концептуальная матрица работы, изложенная в глубоком по своему содержанию введении, затем разворачивается автором на конкретно-историческом материале развития США в XX – начале XXI века. Перед нами предстаёт широкая энциклопедическая панорама основных периодов и тенденций социально-политического, экономического и внешнеполитического развития страны, выстроенная как результат взаимодействия его трёх основных начал. В ходе их взаимодействия они оказывают влияние друг на друга и сами видоизменяются под этим воздействием.

Каждая из четырёх крупных хронологических частей работы представляет собой законченный аналитический обзор рассматриваемого периода, в котором неразрывно сочетаются внутреннее развитие и рост американской империи. Первый из таких периодов – Прогрессивная эра (1900–1920 гг.) – особенно показателен в этом отношении. Именно тогда начинается переход к социальному либерализму и политической демократизации, который весьма парадоксально, на первый взгляд, сопровождался зарождением современной американской империи. Автор раскрывает противоречивую природу этого парадокса, прослеживая сложные связи между экономическим развитием, социальными реформами и становлением имперской идеологии и практики. Превращение США в экономического гиганта и большие успехи в социально-политической модернизации страны расширяли возможности усиления её влияния в мире и подпитывали мессианскую уверенность в превосходстве своей модели развития, которая теперь проецировалась на весь мир. Кульминацией этого синтеза на том этапе стала вильсоновская модель миропорядка, которая, по ёмкому определению автора, «явилась чертежом, а впоследствии плотью и кровью американской либерально-капиталистической империи» (с. 134). Однако в то время этот проект забегал слишком далеко вперёд, опережая реальные возможности и способности США.

Второй период, выделяемый автором, охватывает 1920–1945 гг., что весьма необычно для отечественной и зарубежной историографии, как правило, разделяющей периоды 1920-х, годы «Нового курса» и Второй мировой войны во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом отношениях. Однако с учётом авторского замысла этот период обладает определённым внутренним единством. Ведь именно тогда, под воздействием потрясений «Великой депрессии» и Второй мировой войны, Америка нашла принципиальные ответы на два фундаментальных вопроса, по которым в стране много лет шли большие дебаты, – о роли США в мире и о роли государства в социально-экономической жизни страны. Автор прослеживает, как в итоге напряжённой идейно-политической борьбы изоляционистская традиция уступила место интервенционизму и глобализму, а государственное невмешательство – «социальному государству», вооружённому кейнсианским инструментарием регулирования экономики. Важную роль в этой трансформации сыграло руководство страны во главе с Ф. Рузвельтом, который умело вёл общественное мнение и политическую элиту к новому пониманию национальных интересов.

Период «процветания» 1920-х годов здесь является как бы вводным, но и в нём В.В. Согрин сумел найти нечто новое, обратив внимание на формирование потребительского сознания и потребительской культуры, а также на социально-политические последствия консюмеризма – «как противоядия от классового самосознания и важного инструмента достижения социального мира» (с. 143). Впервые сформировавшись в 1920-х годах, «общество потребления» впоследствии стало главной опорой социальной стабильности, заменив в этом отношении классическую частную собственность, считавшуюся необходимой для сохранения либерально-капиталистических устоев.

Плодотворным является и авторский анализ феномена изоляционизма 1920–1930-х годов, в котором В.В. Согрин различает две разновидности – «демократический изоляционизм» и его более консервативный вариант, ориентированный на мировое лидерство США при условии сохранения свободы рук. В главе о «Новом курсе» читатель найдёт на редкость взвешенную оценку характера и последствий социальных реформ 1930-х годов, их значения для дальнейшего развития американского общества. Причём такая оценка не является умозрительной, а опирается на чёткие социальные показатели (с. 206–207). Это характерно и для других глав, посвящённых внутреннему развитию США: автор не ограничивается обзором основных тенденций социально-экономического развития, а даёт их углублённый анализ, опирающийся на большой эмпирический материал, включая самостоятельно обработанную обширную статистику. В результате создаётся картина социальной анатомии американского общества в её динамике, что придаёт работе дополнительную научную ценность.

Вторая мировая война оказала огромное и, как показывает автор, ещё не до конца изученное воздействие на дальнейшее развитие США как «демократической империи». Внутри страны она привела к консолидации реформ «Нового курса» и политической стабилизации на их основе. Этому немало способствовал экономический бум, подъём благосостояния основной массы населения и более равномерное распределение доходов (именно в годы войны разрыв между богатыми и бедными сократился до рекордного в американской истории минимума). Новый демократический эгалитаризм подкреплялся ощущением того, что США ведут справедливую войну и выступают в ней как сила добра.

Война также вызвала радикальные изменения в представлениях американцев о собственной безопасности и роли в мире. Несмотря на очевидное упрочение мировых позиций США, политические круги страны испытывали комплекс уязвимости, навеянный опытом и уроками войны. Угроза нового внезапного нападения (синдром Пёрл-Харбора), появление новейших видов оружия, девальвирующего преимущество географической удалённости и сокращающих время на подготовку к войне, возникновение огромных очагов нестабильности в разрушенной Европе и Азии – всё это приводило политический класс США к переходу от континентального к глобальному пониманию безопасности. Оно включало в себя необходимость поддержания боеготовности и подавляющего военно-стратегического превосходства, постоянного военного присутствия США в ключевых регионах мира, ставку на использование военной силы в одностороннем и

даже превентивном порядке, а также на ведение боевых действий на «дальних подступах» – на расстоянии от американских берегов*.

Сочетание новых огромных возможностей, с одной стороны, и новых потенциальных угроз – с другой, подводило Вашингтон к идее глобального лидерства Соединённых Штатов как сильного и необходимого условия поддержания международной стабильности и предотвращения новой мировой войны. Вынесенное военно-политической элитой страны из суммарного опыта обеих мировых войн новое убеждение состояло в том, что без лидерства и опеки США Старый Свет вновь станет жертвой своих кровопролитных раздоров, спасти его от которых опять придётся Соединённым Штатам. Внешний мир более нельзя было предоставлять самому себе. Традиционное мессианство с его уверенностью в универсальности американских принципов и благодати американской мощи теперь впервые опиралось на самый мощный в мире военно-экономический потенциал. Вторая после вильсонизма попытка создать новый миропорядок под эгидой США представлялась теперь гораздо насущней и в то же время – реалистичней, чем раньше.

Возвращение к вильсоновскому «чертежу» произошло на более прагматичной и прочной основе. Автор не случайно характеризует Ф. Рузвельта как «прагматичного вильсонянца» (с. 210). Этот прагматизм проявлялся в характере создаваемых международных институтов. ООН в отличие от Лиги Наций была основана на принципе особой ответственности великих держав – постоянных членов Совета Безопасности и наделялась реальными полномочиями по урегулированию конфликтов и противодействию угрозам безопасности. С учётом уроков мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Вашингтон инициировал создание Бреттон-Вудской системы – международного механизма для предотвращения подобных потрясений в будущем. Прагматический реализм проявлялся и в признании СССР как одной из великих держав – участниц послевоенного миропорядка. И всё же рузвельтовская схема послевоенного устройства предусматривала не полное равенство великих держав, а лидирующую роль США как главного опекуна этого миропорядка. Они и их союзники заняли доминирующие позиции в ООН и Бреттон-Вудской системе, основанной на американском долларе. Лидеры США связывали послевоенный миропорядок с распространением американской модели открытой рыночной экономики и либеральной демократии, а также со своим доминированием в мире, основанном на финансово-экономической и военной мощи США, их глобальном военном присутствии и монополии на атомное оружие. Если Советский Союз и мог вписаться в этот миропорядок, то только в качестве младшего партнёра, соблюдающего американские правила игры, на что сталинский СССР пойти не мог.

Основы этой американско-центристской системы сохранились и в последующий период с той существенной разницей, что СССР и его новые союзники оказались за её пределами в качестве противников, а США взяли на себя

---

* Подробнее об этом пересмотре см.: *Печатнов В.О. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании СССР и США на послевоенный период // Вестник МГУ. Серия 25. Мировая политика и международные отношения. 2009. № 1.*

роль лидера «свободного мира», ведущего борьбу с новой «тоталитарной угрозой». Сохранив преемственность конечной цели, Соединённые Штаты приняли на вооружение другие методы её достижения. Если Рузвельт и его сторонники надеялись на постепенную либерализацию советской системы путём признания интересов безопасности СССР и сотрудничества с ним («приручение через интеграцию»), то стратегия «сдерживания» делала главную ставку на изоляцию и изматывание соперника, которые в конечном итоге должны были привести к «размягчению или слому» советской системы, по известной формуле главного автора этой стратегии Дж. Кеннана. В сущности, «сдерживание» исходило из того, что в долгосрочном плане в экономическом, политическом и финансовом отношении Запад сильнее своего советского противника и при условии правильного использования этих преимуществ и слабостей советской системы может победить, не прибегая к большой войне.

В.В. Согрин не случайно очерчивает хронологические рамки следующего периода 1945–1991 гг., подчёркивая ключевую роль «холодной войны» в определении его содержания. Действительно, последняя не только определяла характер всей международной системы, но и оказала огромное воздействие на внутреннее развитие США.

К концу 1940-х годов под руководством Вашингтона сформировались две опоры западного сообщества – торгово-экономическая на основе Бреттон-Вудской системы и военно-политическая на базе НАТО, а затем и других похожих союзов. В основе этой конструкции лежала система взаимных обязательств: США предоставляли своим союзникам гарантии безопасности, экономическую и военную помощь, доступ к своим технологиям и рынку в обмен на поддержку в борьбе с Советским Союзом и другими своими врагами, а также на соблюдение «правил игры» в рамках этой американско-центристской системы.

При том, что она строилась на руководящей роли США, само создание и функционирование этой системы проходило в процессе взаимного приспособления с учётом интересов «младших членов» и предоставлением им самостоятельности во внутренних делах и права голоса в союзнических отношениях. Этому способствовало межблоковое соперничество, которое заставляло Соединённые Штаты проявлять большее великодушие и предупредительность к союзникам по контрасту с «советской империей». Ситуация взаимного ядерного сдерживания с её угрозой эскалации локальных конфликтов в глобальную войну также располагала США (равно как и СССР) к большей сдержанности и ответственности.

Со временем западное сообщество во главе с США развивалось в направлении упрочения внутренних связей и их дальнейшей институционализации. В дополнение к послевоенным институтам появлялись новые – ГАТТ, «Большая семёрка», Организация экономического сотрудничества и развития, «Общий рынок», а затем и ЕЭС в Европе, выросшее из «плана Маршалла» и первых интеграционных проектов европейских держав, получивших поддержку США. Под американским контролем была успешно завершена демократическая перестройка ФРГ и Японии, западное сообщество стало зоной мира, экономического благополучия и политической стабильности. Огромные вложения

США в создание и поддержание послевоенного западного порядка окупились, став инвестициями гегемона в будущее*. Успех американско-центристской системы был подтверждён её победой в «холодной войне».

Однако этот успех американской империи, как показано в книге, был связан с серьёзными издержками. На международной арене в ходе соперничества с СССР Соединённые Штаты ввязывались в военные конфликты, поддерживали реакционные авторитарные режимы антисоветской направленности, противодействовали национально-освободительному движению в «третьем мире», использовали грязные методы «тайных операций». Внутри страны параллельно социальному государству возникло мощное «государство национальной безопасности», усиливались милитаризация, разбухание военно-промышленно-разведывательного комплекса, преследование леворадикальных политических сил, слежка за инакомыслящими. «Парадокс американской цивилизации – существование демократии, либерализма и империи – усиливался» (с. 362).

В то же время автор справедливо отмечает, что соперничество систем имело и некоторые позитивные последствия для развития американского общества. В конце 1950-х – начале 1960-х годов «советский вызов» стал одним из катализаторов социальных реформ в области науки и образования (создание НАСА, принятие закона «Об образовании в целях обороны» и др.). Борьба двух систем «за душу мира» (по выражению известного американского историка М. Лефлера) заставляла политическую элиту страны обращать больше внимания на борьбу с наиболее вопиющими язвами американского общества – бедностью и расовой дискриминацией (с. 276–277).

Не менее серьёзные трансформации происходили в послевоенный период и во внутренней жизни страны. США постепенно вступали в постиндустриальную стадию развития: радикально менялась социальная демография, структура производства и занятости, социально-политическая повестка дня. Автор внимательно прослеживает эволюцию партийно-политического ландшафта в 1945–1960 гг. в рамках либерально-консервативного политического цикла. Он отмечает важную закономерность американской политики – сохранение её преемственности даже при смене правящих партий, что обеспечивает поступательный характер развития: «Каждая партия после прихода к власти воспринимала те экономические наработки своей предшественницы, которые доказали пользу, стараясь вместе с тем их скорректировать и приспособить к собственным нововведениям» (с. 256). На основе нового либерально-консервативного консенсуса в отношении основных реформ «Нового курса» между двумя ведущими политическими партиями сложилось своеобразное разделение труда. Демократическая партия с её левоцентристской массовой базой стала главным носителем либерального реформизма, первопроходцем в расширении регулирующей роли и социальных функций государства. Республиканская партия, непосредственнее отражая интересы бизнеса и состоятельных слоёв, «делала упор на расширение и стимулирование рыночных возможностей бизнеса, усиление в обществе роли и удельного веса частных институтов

---

* Подробнее см.: *Ikenberry G. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. Ch. 6.*

и инициатив» (с. 255). В совокупности эти два подхода обеспечивали приспособление американского капитализма к меняющимся реалиям при сохранении его традиционных устоев.

Сильной стороной авторского анализа является то, что при всей своей склонности к систематизации и обобщениям, В.В. Согрин делает их на основе большого эмпирического материала, почерпнутого из широкого круга источников и новейшей литературы. Другое важное достоинство его творческого почерка, особенно ярко проявляющееся в данной работе, – это способность вплести интеллектуальную историю в ткань социально-экономического и политического развития страны. Сложные идейные трансформации американского консерватизма и либерализма рассматриваются автором в их непосредственной связи с политической практикой, из которой они произрастают и на которую, в свою очередь, оказывают влияние. Особый интерес представляет анализ подвижного идейно-политического спектра американского консерватизма 1950–1980-х годов, в котором автор выделяет ортодоксальное, ревизионистское и неоконсервативное направления.

В этой части работы в центре внимания находятся сквозные тенденции развития американского либерализма и демократии в 1945–1991 гг. В качестве одной из таких долгосрочных тенденций автор выделяет возрастание объёма контрольно-регулирующих функций государства на протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны (с. 256). Вместе с тем, в работе хорошо показано, что эта магистральная тенденция развивалась не линейно, а зигзагообразно, проходя через периоды отступления и корректировок.

То же самое относится и к развитию демократии, которое проходило как «высокие», так и «низкие» периоды. К первым, наряду с Прогрессивной эрой и периодом «Нового курса», автор относит и 1960–1970-е годы, когда в условиях подъёма демократических движений было достигнуто юридическое равноправие расово-этнических меньшинств (прежде всего, афроамериканцев), а также женщин и других групп населения, в прошлом подвергавшихся дискриминации. Это происходило и благодаря либеральному политическому руководству страны. «В “высокие” периоды демократии, – отмечает В.В. Согрин, – просвещённая часть политической элиты, демократические президенты ради достижения общественного консенсуса не однажды вступали в конфликт с крупным капиталом, который самостоятельно обнаруживал минимальную способность идти на компромиссы с другими классами» (с. 549). «Низкими» периодами автор (помимо 1920-х годов) считает 1950-е годы, когда в обществе возобладал двухпартийный социально-политический консенсус, а также современный период, о чём речь пойдёт ниже.

Казалось бы, что рост материального благосостояния, повышение уровня образования и информированности населения, бурное развитие плюрализма в виде постоянно размножающихся групповых интересов должны вести к расширению и укреплению демократии. Но, как отмечает автор, приумножение групповых интересов само по себе ещё не благо для демократии, если решающее слово остаётся за наиболее организованными и состоятельными группами, связанными, прежде всего, с бизнесом. Что касается материального благосостояния, то

его общий рост не ведёт к сокращению имущественного неравенства, которое, напротив, постоянно возрастает с 1970-х годов. Не говоря уже о том, что на пути демократии возникают всё новые проблемы и препятствия как внутреннего, так и внешнего порядка, осложняющие её функционирование.

Четвёртая часть работы посвящена развитию США после окончания «холодной войны», которое стало важной вехой в истории страны. Конец многолетней биполярной конфронтации, казалось, давал Соединённым Штатам возможность снять с себя бремя империи и высвободить ресурсы для решения внутренних проблем, сократить деформирующее воздействие империи на демократию. Вместо этого страна постепенно втянулась в новый крестовый поход по переделке окружающего мира. Этот выбор, как показывается в работе, определялся тремя основными слагаемыми. Во-первых, это эйфория победы в «холодной войне», трактуемой как триумф либерально-демократической модели, у которой больше не осталось конкурентов. Глобализация, рассматриваемая в США как американизация, ещё более укрепляла веру в то, что будущее принадлежит исключительно этой модели. Возник своего рода либерально-демократический фундаментализм – нетерпимость к любым отклонениям от этой модели, считающейся магистральной. Во-вторых, распад СССР и социалистического лагеря высвобождал огромное постсоветское пространство для либерально-демократической экспансии на восток. В-третьих, исчезновение военно-силового противовеса в виде СССР и его союзников делало эту экспансию сравнительно безопасной для США, развязывая им руки в создании нового миропорядка.

Автор показывает, что уже в период правления У. Клинтона был сделан основной стратегический выбор в пользу расширения американской империи. Принятая Белым домом в 1993–1995 гг. стратегия «расширения и вовлечения» предусматривала – вместо прежнего «сдерживания» – расширение зоны свободных рынков и демократий. Таким образом, для американских глобалистов новая роль США в мире стала логическим продолжением дела «холодной войны», поскольку защита бывшего «свободного мира» сменялась его распространением на весь мир. Находившиеся у власти демократы стремились совместить эту миссию с социально-экономической модернизацией страны в духе неоллиберализма или «новой демократии». Более того, они рассматривали «мягкую» гегемонию США в глобализирующемся мире как необходимое условие их собственного процветания. Расширение НАТО, создание ВТО и НАФТА, активное подключение к интеграционным процессам за пределами Северной Америки были направлены на укрепление международного порядка, заложенного под эгидой США в послевоенные годы.

Однако наряду с этой преимуществом в стратегии США появился и новый элемент: втягивание всё новых стран в «паутину» многосторонних институциональных отношений сопровождалось ужесточением мер в отношении их нарушителей. Соединённые Штаты стали всё чаще пытаться ослаблять эти пути для самих себя, прибегая к односторонним действиям в обход установленных процедур и норм международного права.

Этот сдвиг, прежде всего, был связан с тем, что США постепенно осваивались в роли главного архитектора и «шерифа» нового, теперь уже глобального миропорядка, тем более, что вопреки прогнозам школы «реализма» такая линия ещё не вызывала серьёзного сопротивления со стороны других крупных держав. Усиливалось стремление сделать своё видение мира и угроз ему всеобщим, а свои интересы представить в качестве общемировых; явочным путём вводить новые нормы и правила международного поведения, основанные на американских стандартах в области демократии, прав человека, религиозных свобод, борьбы с международным терроризмом, усилив наказание за их нарушения.

У. Клинтон был ещё сравнительно осторожен в реализации американской гегемонии, поскольку опасался внешнего сопротивления этому новому американо-центристскому миру и не был уверен, что само американское общество справится с этой ролью. Он избегал вовлечения США в масштабные военные конфликты, сдерживал рост военных расходов, учитывал мнение американских союзников. Тем не менее, в стране усилилась критика либерального интернационализма как слева, так и справа, причём главными мишенями стали «гуманитарное вмешательство» и деятельность международных финансовых институтов по насаждению рыночно-демократической модели. Во внешнем мире (особенно на Арабском Востоке) росло сопротивление глобализации по-американски, подпитывавшее международный терроризм, который всё чаще обращался против самих США.

Внутри страны демократам поначалу также сопутствовал успех. 1990-е годы стали периодом рекордного по своей продолжительности экономического бума, улучшившего (хотя и в разной степени) материальное положение всех слоёв американского общества. В.В. Согрин даёт глубокий анализ основных тенденций социально-экономического развития США на рубеже XX–XXI веков. Особый интерес вызывает его ёмкая характеристика состава и роли современной политической элиты страны, в которой он выделяет корпоративный, общественный и правительственный секторы (с. 439–444). В частности, анализ состава верхнего звена исполнительной власти по социально-профессиональным характеристикам выявляет большие различия между администрациями демократов и республиканцев от Г. Трумэна до Дж. Буша-мл. Проблематика элитологии ещё не получила должного внимания в российской американистике, и рецензируемая работа лишней раз подтверждает необходимость её более глубокого изучения, в том числе – в историческом плане.

При всех достижениях администрации Клинтона, в экономике страны также скрывались проблемы и противоречия, которые дадут о себе знать в ближайшем будущем. Главным, пожалуй, было чрезмерное увлечение «новых демократов», испытавших на себе воздействие рыночного фундаментализма, дерегулированием финансовой сферы, которое стало одной из составляющих финансово-экономического кризиса 2008–2010 годов.

Но в целом США вступали в XXI век, находясь на пике своего могущества. Укрепление мировых позиций страны сопровождалось впечатляющим динамизмом внутреннего развития. Ликвидация впервые за многие десятилетия дефицита федерального бюджета сочеталась с постепенным увеличением военных

расходов. «Мир и процветание», демократия и империя, казалось, шли рука об руку. Ситуация начала меняться с приходом к власти новой республиканской администрации во главе с Дж. Бушем-мл. Спорная легитимность его победы на выборах, конец экономического бума, коррупционные скандалы в среде корпоративных гигантов, поворот к неоконсерватизму в государственной политике осложняли обстановку в стране, а события 11 сентября 2001 г. изменили её радикально. Новая, предельно драматическая угроза национальной безопасности резко укрепила позиции администрации, развязав ей руки в реализации своей неоконсервативной повестки дня во внутренней и внешней политике.

Внутри страны республиканцы взяли курс на завершение «рейгановской революции»: массированное снижение налогов, ослабление государственного регулирования экономики, резкий рост военных расходов. В.В. Согрин внимательно анализирует идейную платформу неоконсерватизма и практические результаты «бушизма», которые углубили финансово-экономический кризис (с. 458–462). Во внешней политике качественно новый масштаб угрозы международного терроризма стимулировал пересмотр видения мировой ситуации и роли в ней Соединённых Штатов. Общая цель американской стратегии осталась без изменений – укрепление и расширение западного сообщества под руководством США на основе «единственной работающей модели национального успеха – свободы, демократии и свободного предпринимательства», как говорилось в «Стратегии национальной безопасности» 2002 г. Но методы достижения этой цели и препятствия на этом пути предстали во многом по-новому. Либеральные упования на «скрытую руку» глобализации, работающую на США, сменились настроением на гораздо более активное, в том числе и силовое вмешательство в этот процесс с целью защиты западного миропорядка и ликвидации очагов сопротивления ему.

В обстановке военно-патриотического энтузиазма, как показывает автор, произошёл новый взлёт имперской эйфории, сравнимый разве что с периодом начала XX века. Идеологи неоконсерватизма воскресили исторический образ США как воинственной империи, несущей другим странам свободу и не стесняющейся при этом в средствах, поскольку они оправдываются столь высокой целью. Появилось даже понятие «либерального империализма», который автор называет «вильсонизмом в сапогах» (с. 479). Империя снова обрела положительную коннотацию. Менялись и более широкие общественные настроения. Шок 11 сентября и – новая решимость любой ценой избежать повторения подобной трагедии снизили «болевого порог» американского общества во имя глобальной защиты интересов США. Это резко ослабило внутренние ограничители военного интервенционизма. В результате, пишет авторитетный американский дипломатический историк У. Лафебер, возникла угроза превращения США в страну «настолько сильную, что её не смогут сдержать другие, и настолько праведно-гневною, что она не сможет удержать саму себя»^{*}.

Практическим воплощением внешнеполитического неоконсерватизма стала вторая война в Ираке – превентивная война против обвиняемой в поддержке

---

^{*} *La Feber W. The Bush Doctrine // Diplomatic History. Fall 2002. P. 558.*

международного терроризма и обладании оружием массового уничтожения «страны-изгоя», направленная на смену её антиамериканского режима. Результат известен – «империя по приглашению» пошла туда, куда её не приглашали, и потерпела там серьёзное поражение. В более широком смысле это означало и крах всего проекта установления «однополярного мира». Оказалось, что он не соответствует ни военным, ни финансовым, ни политическим возможностям США. Вопреки расчётам неоконсерваторов, Вашингтону не удалось «отвадить» другие великие державы от проведения независимой политики, противоречащей американским интересам. Напротив, гегемонистская политика Вашингтона, вызвав сопротивление других стран и отвлечение ресурсов США на крестовый поход против терроризма, способствовала укреплению самостоятельных центров силы в мировой политике – европейского, евразийского и даже латиноамериканского. Вместо консервации однополярности ускорилось формирование полицентрического миропорядка. Известные международные обозреватели США, вроде Ф. Закария, заговорили о наступлении нового – «постамериканского мира».

При этом американская империя наткнулась как на сопротивление внешней среды (включая и своих союзников), так и на внутреннюю оппозицию в виде широкого антивоенного движения. Его питало и общественное недовольство внутренними издержками нового империализма во имя «борьбы с терроризмом» – ограничениями гражданских прав и свобод, усилившейся слежкой за миллионами рядовых граждан, непомерным усилением президентской власти в системе разделения властей. Империя и демократия вновь вошли в противоречие друг с другом.

Политика Б. Обамы, делает вывод В.В. Согрин, явилась попыткой найти новый баланс между возможностями и целями, между внешними и внутренними приоритетами страны. Во внутренней политике, справедливо заключает автор, Обама придерживался общего русла неолиберализма, проложенного «новыми демократами» во главе с У. Клинтон. Он обратил основное внимание на укрепление и модернизацию экономического потенциала страны как основы её роли в мире. Политика Обамы способствовала выходу США из финансово-экономического кризиса и имела в целом позитивные социально-экономические последствия, несмотря на сохраняющиеся серьёзные проблемы.

Сложнее обстояло дело во внешней политике. Первоначально его администрация взяла рациональный курс на постепенное ослабление «имперского перенапряжения» за счёт сокращения вовлечения страны в вооружённые конфликты, расширения круга друзей и сокращения числа врагов, нажитых за годы «бушизма», активизации невоенных рычагов влияния – экономических, политических, дипломатических и культурных. Расчёт был на то, чтобы придать американскому лидерству новое содержание, а американской империи – новое дыхание: вместо неприкрытого эгоизма, односторонних действий и силового диктата неоконсерваторов перенести упор на организацию многостороннего сотрудничества в совместном решении общих проблем и тем самым сделать лидерство США более полезным и привлекательным для других стран.

Однако постепенно, под давлением критики справа и в силу огромной институциональной и политической инерции американской империи, администрация Обамы откатывалась к более традиционной консервативной линии. Курс на расширение американско-центристского мира был продолжен, хотя и на более осторожной и экономной основе. Это касается и российского направления, где администрация отошла от политики «перезагрузки» и не удержалась от соблазна вмешательства в отношения России с её соседями.

В заключение работы В.В. Согрин подводит итоги своего капитального исследования. Здесь особое внимание привлекает тезис автора об одной из важнейших причин современного политического застоя в США, которая обычно остаётся вне внимания исследователей – как зарубежных, так и российских. «После победы в холодной войне над коммунизмом, – отмечает он, – американская демократия добилась монопольного влияния на мировое сообщество, и эта позиция, что в случае с монополией правило, а не исключение, породила тенденции внутривнутриполитического застоя и внешнеполитической самонадеянности, сопровождавшейся желанием выдавать команды другим странам» (с. 549). Действительно, эта монополия сыграла злую шутку с США: отсутствие системной конкуренции лишило их важного стимула к самореформированию, а ослабление внешних «сдержек и противовесов» подтолкнуло к рискованным экспериментам по насаждению своей модели в мире.

Может показаться, что один из главных выводов нового исследования В.В. Согрина отмечен пессимизмом и даже фатализмом. «Сочетание демократии, экспансии и мессианизма, – пишет он, – привело в течение двух столетий к созданию Соединёнными Штатами модернизированной империи, утверждающей выгодный им миропорядок при помощи стратегий, обладающих серьёзными отличиями от классических имперских образцов. С помощью этих стратегий Америка стремится, как минимум, к широкому распространению своих экономических, политических и культурных образцов и, как максимум, к утверждению их мирового господства... Имперский демократический мессианизм настолько прочно вошёл в сознание как политической элиты, так и масс, что превратился в материальный фактор американской внешней политики» (с. 550).

Но история «парадокса американской цивилизации» продолжается. Американская империя клонится к своему закату, и Соединённым Штатам волею неволею придётся приспособливаться к более скромной роли в мире. В то же время, возможности американской демократии ещё не исчерпаны и, может быть, без имперского бремени она обретёт новое дыхание. Это лишь один из многих вопросов, возникающих при чтении фундаментальной работы В.В. Согрина. Она побуждает к новому прочтению истории США, будит мысль и намечает новые перспективные направления исследований.

Вышедшая к юбилею автора его книга «США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя» достойно венчает его многолетние изыскания в области американской истории.

Mainsprings of American History

(USA ❖ Canada Journal, 2015, No. 10, p. 53-67)

Received 31.07.2015

PECHATNOV Vladimir Olegovich, the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) Ministry of Foreign Affairs of RF. 76, Vernadsky prospect, Moscow 119454, Russian Federation (vopechatnov@gmail.com).

*The article presents an analysis of the leading Russian expert on U.S. history Vladimir Sogrin's new book, "USA in the 20-the-21st Centuries: Liberalism. Democracy. Empire" and of the problems raised in it. Using the book as a point of departure the author examines coexistence of these three fundamental factors of American history from the early 20th century to the present. A special attention is being paid to the interaction of empire and democracy. The article also analyses Vladimir Sogrin's concepts and a contribution of his book to the current historiography. **Keywords:** United States history, liberalism, democracy, empire.*

About the author:

PECHATNOV Vladimir Olegovich, Doctor Sci. (History), Professor, Chair of the Department of European and American Studies.